

Где время течет как поток, унося наши боли
Шли Церковь и Мир вдалеке друг от друга.
Мир песенки пел легкомысленно, жизнью доволен,
А Церковь - торжественный гимн возносила в недуге.
- "Приди же ко мне! Руку дай, и пойдем в жизни вместе!"
Ей Мир прокричал, развлекаясь беспечно,
Но верная Господу Церковь подобно невесте
Лишь спрятала руку в любви ко Христу бесконечной,
Торжественно молвив: "Руки не подам никогда я,
С тобой не пойду путь, который тобою предложен,
Твой путь - это вечная смерть без сияния Рая,
Слова твои лживы и Бог для меня всех дороже!"
- "Ну ладно, тогда подойди и иди ко мне ближе" -
Сказал, добродушно он маску себе надевая, -
"Ведь путь, что иду я, хорош и приятен - не выжжен
И солнце на нем непрестанно на небе сияет,
А твой - каменист, и тернист, и для ног твоих грубый,
Мой путь так широк, и так гладок, и так он спокоен,
Усыпан цветами, камней драгоценных здесь груды.
Твой путь - это слезы и боль, моего он, конечно, ж не стоит.
Вот видишь? Тропинка моя широка и прекрасна,
Врата высоки и широки их крепкие двери
Здесь места двоим пилигримам идти ежечасно
Хватает бок о бок! Забудь про печаль и потери!"
Смущаясь немного, приблизилась Церковь к злодею
И руку свою белоснежную молча вручила,
А лживый Мир, руку схватив, прошептал ей: - "Не смею
Поверить я в то, что меня ты собою почтила!
Но платье твое слишком скромно и мне не по вкусу,
Дам бархат богатый и шелк для прекрасного стана,
И жемчуг с бриллиантами, чтобы украсить искусно
Прическу твою - чтоб меня услаждать неустанно!"
На белое скромное платье взглянула неспешно
И взгляд на сияющий Мир Церковь вновь обратила,
А Мир изогнул свои губы в надменной усмешке,
Но Церковь, краснея, ничуть от того не смутилась:
- "Согласна сменить свое платье на эти одежды!"
С любезной улыбкой ответила Церковь довольно
И тут же исчезло то чистое платье, что прежде
Носила она, и ей дал вдруг Мир одеться привольно:

Прекрасный атлас и шелка, что играют от света,
И жемчуг, и розы, и золото вмиг появилось,
И волосы множеством локонов яркого цвета
На плечи и лоб, с головы не спеша, заструились.
- "Твой дом слишком скромн и прост и до боли обыден"
Сказал старый Мир, гордо голову вскинув -
"Построю тебе дом приличный, чтоб был всем он виден:
Ковры и портьеры, и мебель тебя не покинут!"
И создал Мир Церкви роскошный сияющий замок -
Сиянье его ослепляло в любую погоду,
Сыны с дочерями в нем жили с беспечною мамой,
Одетые в пурпур и золото - славу народов.
Там ярмарки были и были у них представленья -
И все дети Мира на них приглашаемы были.
Смех, музыка, шутки, пиры и страданий забвенье -
Забыв о молитве - на месте молитвы - явили.
Слуга милосердия - Ангел ту Церковь отвергнул
И ей прошептал: "Я грехи твои вижу и знаю"
И Церковь со вздохом пред Богом как-будто поверглась
Детей от веселья своих для молитв собирая,
Но дети - играли и пили на скачках и в барах,
Другие - плясали, избрав вечеринки и бал,
Иным эта весть показалась безумной и старой,
И Ангел ушел от нее, ждать конца он не стал.
А хитрый Мир молвил, галантно пред ней поклонившись:
- "Не будет вреда от веселья твоим милым детям:
Невинных забав череда - это путь - не погибших!"
И Церковь на руку его оперлась, не ответив.
И вот - улыбнулась, болтать начала, рвать цветочки
И под руку с Миром пошла, ни о чем не волнуясь,
А тысячи тысяч бессмертных душ падали точно
В ужасную бездну, Небесный Град Божий минуя.
- "Твои проповедники слишком стары, примитивны" -
Веселый и старый твердил Мир с насмешкой упорной.
- "Они напугали детей моих баснями лживыми
И я не хочу, чтоб они им внимали покорно
Они проповедуют труд, и страданья и боли,
И Крест, на котором распяты должны быть навечно
Мир, плоть, и страсти, грехи и сомненья.
И славу венца, что сияет, и Бога, что дарит всем вечность.
Пошлю я тебе проповедников лучшего толка -
Веселых и бойких, живых и отчаянно смелых,
Которые скажут (как хищные, злобные волки):
- "Живи, как придется, а после - ждет Небо, наверно?!"
Итак, Мир наполнил дом Церкви иным богословьем,
Талантливо, опытно ад - удалившим из речи,

А старых мужей, что несли весть Креста - Все сословье,
Убрал он от кафедр, изгнав их из Церкви навечно.
Сыны Церкви шли сердце к сердцу с сынами мирскими
И только Господь, что взирает с Небес неустанно
Кто знает сердца - разделить мог духовных с плотскими,
А праздная Церковь сидела, твердя постоянно:
- "Богата, богатство растет - я ни в чем не нуждаюсь,
Мне нечего делать, лишь петь, танцевать и смеяться!"
Коварный Мир, слыша ту речь в тишине, в стороне улыбаясь
Насмешливо молвил о той, что успела, к несчастью, зазнаться:
- "О, Церковь! Прекрасная Церковь, Невеста Христова!
Ты пала и срам твой - гордыня и превозношение
И как ты поднимешься, праздная, к Господу снова?
И в чем ты найдешь для себя и детей утешенье?
К седалищу милости Ангел Небесный подходит,
Со вздохом и скорбью он имя ее повторяет,
Святые умолкли петь гимны, и радость уходит,
Стыдом покрываются головы жителей Рая.
И глас из молчанья Небес долетает на Землю
От Бога, сидящего в славе Своей на престоле:
- "Я знаю дела твои, всем Я словам твоим внимлю,
Не знаешь, ты в гордости истинной, собственной доли:
Нага ты, слепа, и нища, и несчастна - негодна
Прозри и покайся в грехах, а иначе - суд грянет
Я вычеркну имя твое с осуждением
Из Книги Моей - и смерть для тебя вдруг, внезапно настанет!"

Матильда Эдвардс